

НУЖНА ЛИ ТАКАЯ «ДИСКУССИЯ»?

В майском номере «Иностранной литературы» в разделе «Культура и современность» была опубликована заметка о Бертольте Брехте, занимающая всего две с половиной журнальных страницы. Цель ее заключалась в том, чтобы познакомить советского читателя с «антибрехтовской кампанией» (назовем ее условно так!), которая ведется сейчас многими буржуазными литературоведами. В заметке, в частности, пересказывались две статьи — одна, напечатанная в английском журнале «Энкаунтер» и подписанная критиком Эсслином, и вторая, опубликованная во французском журнале «Прев» и подписанная инициалами «Ф. Б.».

Повторяем еще раз: заметка о Брехте ставила перед собой самые скромные цели. Никаких сенсационных сообщений, никаких новых неизвестных фактов она не содержала. Никаких «Америк» не открывала. Тем не менее эта заметка вызвала «бурю» негодующих откликов. Так, журнал «Энкаунтер» дважды «ответил» на нее — в редакционной статье, в разделе «С другого берега», и в статье, озаглавленной «Брехт и Москва». В полемику вмешались также западногерманский журнал «Монат», французский еженедельник «Ар», испанская газета «Эстафета литерариа». И «Энкаунтер», и «Монат» ополчились на заметку в «Иностранной литературе», мечут по этому поводу гром и молнии. От них не отстает и критик Эсслин из журнала «Энкаунтер», приписывая автору заметки все грехи тяжкие. Однако оставим запальчивый и раздраженный тон мистера Эсслина на его совести. Попробуем разобраться по существу в аргументах журнала «Энкаунтер» и английского критика. Но прежде всего сделаем одну небольшую оговорку. В принципе мы вовсе не против дискуссии о творчестве Брехта. Почему бы нам не поспорить о художественной манере Брехта, о его теории «эпического театра», о его образах и сгиле. Этот спор вполне закономерен. Ведь Брехт был художником сложным и противоречивым, и его произведения всегда вызывали горячие споры и страстные дискуссии.

Впрочем, может быть, именно такая дискуссия и начата журналом «Энкаунтер» и критиком Эсслином?

Увы, нет!

Господин Эсслин желает вести спор не о творчестве Брехта, а о его биографии, точнее говоря, о его политической биографии. Позвольте, скажет нам советский читатель и, очевидно, читатель английский. Вы, наверно, что-то путаете. Ведь Брехт не Гомер. Он жил не в глубокой древности, а в наши дни. Сочинять легенды по поводу его биографии невозможно. «Семь городов, пререкаясь, зовутся отчиной Гомера...» Но города, где родился Брехт и где он умер, известны. Выдумывать «брехтовский вопрос» по образцу «гомеровского вопроса» или «шекспировского», по меньшей мере, смешно. Тысячи людей, которые знали Брехта, благополучно здравствуют, его литературное наследие стало достоянием всего культурного человечества. Так какие же могут быть здесь разногласия? Какие споры? Какие дискуссии? Но журнал «Энкаунтер» все же вовлек нас в такую «дискуссию».

Заметка в «Иностранной литературе» была озаглавлена «Брехт был и остается коммунистом». Любой непредвзято мыслящий человек видит, что в этом заглавии нет ничего, кроме констатации всем известного факта. Тем не менее зарубежные оппоненты, набросившиеся на эту заметку, пытаются породить сомнения в том, насколько последовательным коммунистом был Брехт в своем творчестве.

Но ведь широко известно, что Бертольт Брехт посвятил всю свою жизнь борьбе за лучшее будущее человечества, за коммунистическое общество. Каждый человек, читавший произведения Брехта, знает, что Брехт ненавидел капитализм — царство толстосумов, алчных колонизаторов и поджигателей войны, ненавидел войну и фашизм.

Однако мистер Эсслин, который написал недавно целый труд о Брехте, делает вид, будто забыл это. Он и его единомышленники-критики требуют доказательств. Ну что ж, извольте!

Приведем несколько фактов, которые можно найти в любой хрестоматийной, в любой популярной статье о Брехте.

В конце 20-х годов Брехт, по свидетельству его сотрудников и друзей, примкнул к революционному движению, начал глубоко изучать классиков марксизма-ленинизма. Но уже до этого в своих первых произведениях — «Баал», «Возвышение и падение города Махагони», «Трехгрошовая опера» — он подверг резкой критике капиталистическое общество. Вот как сам Брехт характеризовал свои ранние пьесы: «Я без сожаления показывал, как великий поток затопляет буржуазный мир. Вначале еще заметна земля, но она все больше и больше покрывается водой; лужи превращаются в озера и моря, а потом видна одна лишь темная поверхность воды с небольшими островками, которые быстро крошатся».

В известном стихотворении «Изгнанный по веским причинам», написанном Брехтом в эмиграции, поэт так определяет свою классовую принадлежность: «Я покинул свой класс... и присоединился к бедным людям».

В 30—40-е годы Брехт создает такие произведения, как «Матушка Кураж», «Кавказский меловой круг», «Пунтила и его слуга Матти». «Матушка Кураж» — это страстный обвинительный приговор власти имущим, которые затевают кровопролитные войны, опустошающие страну и губящие простой народ. «Императоры, короли и папы» повинны в войне, говорит Брехт. Но, обращаясь к истории, Брехт в этом своем произведении клеймит и нынешних поджигателей войны, обманывающих народ. В «Кавказском меловом круге» драматург ставит себе иную цель — показать разительный контраст между моралью народа и моралью паразитических высших классов. Народ человечен, терпим, добр. Эксплуататоры — деспотичны, жадны, жестоки. Мы не говорим уже о том, что действие пролога этой пьесы Брехта происходит в Советском Союзе и является гимном советским людям. Но, быть может, мистер Эсслин не читал этого произведения Брехта? Быть может, ему милее другая пьеса Брехта — «Пунтила и его слуга Матти», где действие происходит в буржуазной Финляндии? Напомним ему, в таком случае, последний монолог слуги Матти, обращенный к его хозяину Пунтиле:

Все слуги — будет день — тебе покажут спину.
И добрых лишь тогда найдут господ,
Коль господином станет сам народ!

В годы эмиграции из фашистской Германии Брехт не перестает выступать в печати, разоблачая гитлеровский террор и разбойничью войну, развязанную фашистами. Неоднократно и горячо Брехт выступает в защиту Советского Союза, против гитлеровских захватчиков.

Перейдем теперь к последнему этапу жизни и творчества Брехта. После разгрома фашистской Германии перед многими буржуазными деятелями искусства, находящимися в эмиграции, встал вопрос — возвращаться ли им на родину. Для Брехта такой проблемы не возникало. Он возвращается в ту часть своей родины, где народ впервые в истории Германии берет власть в свои руки и начинает строить новую, справедливую жизнь. Вспомните, мистер Эсслин, какой шум подняла буржуазная пресса,

когда Брехт приехал в разрушенный Берлин. Вспомните, что она писала тогда — талант Брехта, мол, будет загублен, его пьесы не увидят света рамы. А что было в действительности? Брехт создал в ГДР один из лучших театральных коллективов. В эти годы на своей истинной родине Брехт находился до последнего часа в окружении друзей и единомышленников, целиком отдаваясь вдохновенному творчеству. Но и в эти дни он ни на секунду не забывал своего долга борца и агитатора. Он боролся за мир, против капиталистических поджигателей войны. В 1951 году Брехт публикует «Открытое письмо германским писателям и работникам искусства». Перечтите это письмо, мистер Эсслин, в нем Брехт высказывает свое кредо последовательного борца за мир — марксиста. А вот стихотворение Бертольта Брехта «Мир», опубликованное им в 1952 году. Приводим вам из него лишь одну строфу:

Плуги делать не желают
Короли железа, стали;
Хоть по пальцам их считают,
Но земля им тесна стала:
Все им мало, мало...
Палачи в баланс войны
С головой погружены,
Рядом в их постыдной смете
Барыши и кровь людей.
Ах! Хоть мало их на свете,
Но излишни даже эти!
Одолеть бы их скорей!

Число примеров, показывающих боевой коммунистический дух произведений и выступлений Брехта, можно было бы умножить до бесконечности. Ведь Брехт не скрывал свои взгляды, свои симпатии и антипатии. Тем не менее в последнее время не только мистер Эсслин, но и многие его коллеги уверяют, что Брехт считается коммунистом лишь по указке Москвы. В этой связи нам бы хотелось привести высказывание известного швейцарского драматурга Дюрренматта, которого Эсслин вряд ли заподозрит в том, что он действует «по указке Москвы» или, скажем, выступает по заданию «Иностранной литературы». Так вот, Дюрренматт недавно прямо сказал, что «коммунизм Брехта надо понимать всерьез», что Брехт был «революционером» и «нашим судьей».

Как жаль, что у мистера Эсслина и у многих его коллег не хватает мужества признать всерьез коммунизм Брехта. Именно поэтому они придумывают, мягко выражаясь, странный тезис о том, что идеология Брехта была не то «двусмысленной», не то... «антисоветской».

Скажем прямо — полемизируя с «Иностранной литературой», ни мистер Эсслин, ни журнал «Энкаунтер», ни журнал «Монат» не утруждают себя поисками аргументов. Требуя доказательств, сами они оперируют намеками, сплетнями, восклицательными знаками и невразумительными домыслами. Тем не менее пусть читатель не посетует, нам придется привести решительно *все* аргументы журнала «Энкаунтер» и критика Эсслина. (Тем более что «Энкаунтер» облегчил эту задачу — расположил их по порядку и пронумеровал). И причина вот такая. Те, кто критикует заметку, опубликованную в «Иностранной литературе», утверждают, что журнал *никогда* не решится сообщить советскому читателю их аргументы. Такие, дескать, они страшные и сокрушительные. Посмотрим, что это за аргументы.

Аргумент первый: Брехт не жил в Советском Союзе в годы эмиграции. Ну и что же? Нынешний председатель Союза писателей ГДР Анна Зегерс, например, тоже, как известно, жила в те годы не в Москве, а в Мексике. Неужели журнал «Энкаунтер» и впрямь думает, что все коммунисты, бежавшие из гитлеровской Германии, были обязаны жить в СССР?

Аргумент второй: Брехт держал деньги в Швейцарском банке. Каемся: мы не знаем, где держал деньги Брехт. Более того, нас это не интересует. Если бы Брехт был банкиром или крупным промышленником, тогда, конечно, было бы любопытно узнать, в каких банках держит он свои вклады и какие пакеты акций покупает. Но

когда речь идет о художнике, важно знать, не где он держит свои гонорары, а во имя чего пишет свои произведения!

Аргумент третий: Брехт имел неприятности от «коммунистической цензуры Восточной Германии». Быть может, журнал «Энкаунтер» потрудится и перечислит, какие именно пьесы или стихи Брехта были запрещены «коммунистической цензурой». Нет! Он не может это сделать. По той простой причине, что таких запретов не было и не могло быть. И вообще, Бертольт Брехт никогда не был «в опале». Его печатали, ставили, издавали, переводили, его стихи учили наизусть. Им восхищались, его хвалили, его почитали и любили. Вильгельм Пик назвал Брехта «самым лучшим драматургом современности». Вальтер Ульбрихт дал необычайно высокую оценку его творчеству, назвав Брехта «социалистическим писателем». Брехт был награжден Международной Ленинской премией «За укрепление мира между народами». Какая уж тут «опала»!

Аргумент четвертый: в своих посмертных стихах Брехт выразил якобы сочувствие выступлению контрреволюционных элементов, спровоцировавших беспорядки в июне 1953 года в Берлине. Однако и здесь у западных критиков получилась, как говорят, «накладка». Они, видимо, не знали, что посмертные стихотворения Брехта опубликованы в журнале «Зинн унд форм», выходящем в ГДР. В подборке «Зинн унд форм» десять стихотворений. Девять из этих стихотворений носят чисто лирический характер. Политические мотивы в них отсутствуют. Зато десятое — политическое и является прямым откликом на события 17 июня 1953 года. Нет нужды вновь приводить полностью это стихотворение, которое действует на мистера Эсслина и иже с ним как красная тряпка на быка.

Напомним лишь, что стихотворение озаглавлено: «Это не было так задумано». В его первой строфе говорится, что, когда художники ГДР начали писать о свободе, то есть о многообразии форм для выражения своих мыслей, из-за зональной границы раздался «оглушительный вой» и «поджигатель, держа в руках бутылку с бензином», стал приближаться к Академии художеств. Заканчивалось это стихотворение такими словами:

Нет, не для того, чтобы обниматься с ними, а для того,
Чтобы выбить из их грязных рук бутылку с бензином,
Требовали мы свободы рук.

Отвечая на наше выступление о Брехте, мистер Эсслин позволяет себе клеветать на Советский Союз, прикрываясь именем Брехта.

Может быть, именно для этого и потребовалась критикам с Запада затеянная ими возня вокруг заметки в «Иностранной литературе»?

* * *

«Внимание» реакционных западных литературоведов к наследию Брехта и к личности художника не кажется нам неожиданным. Краеугольным камнем буржуазного литературоведения испокон веку являлся тезис о том, что идеология якобы мешает развитию искусства. Музы, мол, отлетают от художников, которые поставили своей целью борьбу за прогресс и коммунизм. И вот, чтобы доказать это, буржуазные критики пытаются оклеветать Брехта. Он умер. Авось им удастся убедить общественное мнение в том, что Брехт в своем творчестве не был коммунистом или по крайней мере не был им все время. Напрасная трата сил!

Революционная поэзия Брехта, все его многогранное вдохновенное творчество являются неоспоримым доказательством верности Брехта светлым идеям коммунизма. Эту истину, господ Эсслины, вам не опровергнуть!

Л. Черная

